

Аркадий СТРУГАЦКИЙ
Борис СТРУГАЦКИЙ

ПЯТЬ ЛОЖЕК ЭЛИКСИРА

Время действия: наши дни, поздняя весна.

Место действия: крупный город, областной центр на юге нашей страны.

Двухкомнатная квартира средней руки писателя Феликса Александровича Снегирева. Обычный современный интерьер. Два часа дня. За окном - серое дождливое небо.

Феликс у телефона. Обыкновенной наружности человек лет пятидесяти, весьма обыкновенно одетый для выхода. На ногах стоптанные домашние шлепанцы.

- Наталья Петровна? - говорит он в трубку. - Здравствуй, Наташенька! Это я, Феликс... Ага, много лет, много зим... Да ничего, помаленьку. Слушай Наташка, ты будешь сегодня на курсах? До какого часу? Ага... Я к тебе забегу около шести, есть у меня к тебе маленькое дельце... Хорошо? Ну, до встречи.

Он вешает трубку и устремляется в прихожую. Быстро переобувается, натягивает плащ, нахлобучивает на голову бесформенный берет. Затем хватает огромную авоську, набитую пустыми бутылками из-под кефира, лимонада, фанты и подсолнечного масла. Слегка согнувшись под тяжестью стеклотары, выходит на лестничную площадку и остоленело останавливается.

Из дверей квартиры напротив выдвигаются два санитара с носилками, на которых расprostert бледный до зелени Константин Курдюков, сосед и шапошный знакомый Феликса, третьестепенный поэт городского масштаба. Увидев Феликса, он произносит:

- Феликс! Сам господь тебя послал мне, Феликс!..

Голос у него такой отчаянный, что санитары останавливаются. Феликс с участием наклоняется над ним.

- Что с тобой, Костя? Что случилось?

Мутные глаза Курдюкова закатываются, испачканный рот вяло распущен.

- Спасай, Феликс! - сипит он. - Помираю! На коленях молю... Только на тебя сейчас и надежда... Зойки нет, никого рядом нет...

- Слушаю, Костя, слушаю! Что надо сделать, говори...

- В институт! Поезжай в институт... Институт на Богородском шоссе - знаешь? Найди Мартынюка... Мартынюк Иван Давыдович. Запомни! Его там все знают.... Председатель месткома... Скажи ему, что я отравился, ботулизм у меня... Помираю! Пусть даст хоть две-три капли, я точно знаю - у него есть... Пусть даст!

- Хорошо, хорошо! Мартынюк Иван Давыдович, две капли... А чего именно две капли? Он знает?

На лице Кости появилась странная неуместная улыбка.

- Скажи: мафусалин! Он поймет...

Санитары начали спускаться по лестнице, а Костя отчаянно кричит:

- Феликс! Я за тебя молиться буду!

- Еду, еду! - кричит вслед Феликс. - Сейчас же еду!

Из Костиной квартиры выходит врач и ждет лифта. Феликс испуганно спрашивает:

- Неужели и вправду ботулизм?

Врач неопределенно пожимает плечом:

- Отравление. Сделаем анализы, станет ясно.

- А как вы полагаете, мафусалин от ботулизма помогает?

- Как вы сказали?

- Мафусалин, по-моему... - произносит Феликс смущенно.

- Впервые слышу.

- Какое-нибудь новое средство, - предполагает Феликс. Врач не возражает.

- А куда вы Курдюкова сейчас повезете?

- Во Вторую городскую.

- А, это совсем рядом...

Приходит лифт, у "неотложки" они расстаются, и Феликс гремя бутылками, бежит на середину улицы останавливать такси.

Выбравшись из машины, Феликс поудобнее прихватывает авоську и, кренясь под тяжестью, поднимается по широким ступенькам под бетонный козырек институтского подъезда. В холле довольно много людей, все они стоят кучами и дружно курят. Феликс подходит к ближайшей группе и осведомляется, где ему найти Мартынюка, председателя месткома. Его оглядывают и показывают в потолок. Феликс вручает гардеробщику свой плащ и берет, пытается всучить авоську, но получает решительный отказ и осторожно ставит авоську в уголок.

На втором этаже он открывает дверь в одну из комнат и вступает в обширное светлое помещение, где масса химической посуды, мигают огоньки на пультах, змеятся зеленоватые кривые на экранах, а спиной к двери сидит человек в синем халате. Едва Феликс закрывает за собой дверь, как человек этот, не оборачиваясь, рывкает через плечо:

- В местком! В местком!

- Ивана Давыдовича можно? - осведомляется Феликс.

Человек поворачивается к нему и встает. Он огромен и плечист. Могучая шея, всклоченная шевелюра, черные глаза.

- Я сказал - в местком! С пяти до семи! А здесь у нас разговора не будет. Вам ясно?

- Я от Кости Курдюкова... От Константина Ильича.

Предместкома Мартынюк словно налетает с разбегу на стену.

- От Константина Ильича? А что такое?

- Он страшно отравился, понимаете? Есть подозрение на ботулизм. Он очень просил, прямо-таки умолял, чтобы вы прислали ему две-три капли мафусалина...

- Чего-чего?

- Мафусалина... Я так понял, что это какое-то новое лекарство... Или я неправильно запомнил? Ма-фу-са-лин...

Иван Давыдович Мартынюк обходит его и плотно прикрывает дверь.

- А кто вы, собственно, такой? - спрашивает он неприветливо.

- Феликс Снегирев. Феликс Александрович...

- Мне это имя ничего не говорит.

Феликс взвизгивает.

- А мне ваше имя, между прочим, тоже ничего не говорит! Однако я вот через весь город к вам сюда перся.

Иван Давыдович мрачно смотрит на Феликса.

- Ладно, - произносит он наконец. - Я сам этим займусь. Идите. Стойте! В какой он больнице?

- Во второй городской.

- Чтоб его там... Действительно, другой конец города. Ну ладно, идите. Я займусь.

Внутренне клокоча, Феликс спускается в гардероб, выходит на крыльцо, ставит авоську у ноги и достает сигарету. Повернувшись от ветра, чтобы закурить, он обмирает: за тяжелой прозрачной дверью, упершись в стекло огромными ладонями и выставив бледное лицо свое, пристально смотрит на него Иван Давыдович Мартынюк.словно вурдалак вслед ускользнувшей жертве.

Народу в трамвае великое множество. Феликс сидит с авоськой на коленях, а пассажиры стоят стеной, и вдруг между телами образуется просвет, и Феликс замечает, что в этот просвет пристально смотрят на него светлые выпуклые глаза. Лишь секунду видит он эти глаза, клетчатую кепку, клетчатый галстук между отворотами клетчатого пиджака, но тут трамвай со скрежетом притормаживает, тела смыкаются, и странный наблюдатель исчезает из виду. Некоторое время Феликс хмурится, пытаясь что-то сообразить, но тут между пассажирами вновь возникает просвет, и выясняется, что клетчатый наблюдатель мирно дремлет, сложив на животе руки. Средних лет мужчина, клетчатый пиджак, грязноватые белые брюки...

В зале Дома Культуры Феликс, расхаживая по краю сцены,

разглагольствует перед читателями.

- ...С раннего детства меня, например, пичкали классической музыкой. Вероятно, кто-то где-то когда-то сказал, что если человека ежечасно пичкать классической музыкой, то он к ней помаленьку привыкнет и смирится, и это будет прекрасно. И началось! Мы жаждали джаза, мы сходили по джазу с ума - нас душили симфониями. Мы обожали душещипательные романсы - нас рушили скрипичные концерты. Мы рвались слушать бардов и менестрелей - нас травили ораториями. Если бы все эти титанические усилия по внедрению классической музыки имели бы КПД ну хотя бы как у паровоза, мы бы все сейчас были знатоками и ценителями. А что в результате? Сами видите что в результате...

Под одобрительный шум в зале Феликс отходит к столику и берет очередную записку.

- "Были ли вы за границей?"

Смех в зале.

- Да, был. Один раз в Польше туристом, два раза в Чехословакии с делегацией... Так. А что здесь? Гм... "Кто, по-вашему, больше боится смерти: смертные или бессмертные?"

В зале шум. Феликс пожимает плечами и говорит:

- Станный вопрос. Я на эту тему как-то не думал... Знаете, по-моему о бессмертии думают главным образом молодые, а мы, старики, больше думаем о смерти!

И тут он видит, как в середине зала воздвигается знакомая клетчатая фигура.

- А что думают о смерти бессмертные? - пронзительным фальцетом осведомляется клетчатая фигура.

Этим вопросом Феликс совершенно сбит с толку и несколько даже испуган. Он догадывается, что это неспроста, что есть в этой сцене некий непонятный ему подтекст, он чувствует, что лучше бы ему сейчас не отвечать, а если уж отвечать, то точно, в самое яблочко. Но как это сделать - он не знает, а потому бормочет, пытаясь то ли сострить, то ли отговориться:

- Поживем, знаете ли увидим... Я, между прочим, пока еще не бессмертный. Мне трудно, знаете ли, о таких вещах судить.

Клетчатого уже не видно в зале, Феликс утирается платком и разворачивает следующую записку.

Покинув Дом Культуры, Феликс решает избавиться от проклятой авоськи с бутылками. Он пристраивается в небольшую очередь у ларька по приему стеклотары и стоит, глубоко задумавшись.

Вдруг поднимается визг, крики, очередь бросается врассыпную. Феликс очумело вертит головой, силясь понять, что происходит. И видит: с пригорка прямо на него, набирая скорость, зловеще-бесшумно катится гигантский МАЗ-самосвал. Судорожно подхватив авоську, Феликс отскакивает в сторону, а самосвал, промчавшись в двух шагах, с грохотом вламывается в ларек и останавливается. В кабине никого нет.

Вокруг кричат, ругаются, воздевают руки.

Выбравшись из развалин ларька испуганный приемщик в грязном белом халате вскакивает на подножку и ожесточенно давит на сигнал.

Потряхивая головой, чтобы избавиться от пережитого потрясения, Феликс направляется на курсы иностранных языков к знакомой своей Наташе, до которой у него было маленькое дельце.

По коридорам курсов он идет свободно, как у себя дома, не раздеваясь и нисколько не стесняясь своих бутылок. Он небрежно стучит в дверь с табличкой "Группа английского языка" и входит.

В пустом кабинетике за одним из канцелярских столов сидит Наташа, Наталья Петровна. Она поднимает глаза на Феликса, и Феликс останавливается. Он ошарашен, у него даже лицо меняется. Когда-то у него была интрижка с этой женщиной, а потом они мирно охладели друг к другу и давно не виделись. Он явился к ней по делу, но теперь, снова увидев ее, обо всем забыл.

Перед ним сидит строго одетая Загадочная Дама, Прекрасная Женщина с

огромными сумрачными глазами ведьмы-чаровницы, с безукоризненно нежной кожей лица и лакомыми губами. Не спуская с нее глаз, Феликс осторожно ставит авоську на пол и, разведя руки, произносит:

- Ну мать, нет слов! Сколько же мы не виделись? - Он хлопает себя ладонью по лбу. - Ну что за идиот! Где только были мои глаза?

- Ты только затем и явился, чтобы мне об этом сказать? - довольно прохладно отзывается Наташа. - Или заодно хотел еще сдать бутылки?

- Говори! - страстно шепчет Феликс, падая на стул. - Говори еще! Все, что тебе хочется!

- Что это с тобой сегодня?

- Не знаю. Меня чуть не задавило. Но главное - я увидел тебя!

- А кого ты ожидал здесь увидеть?

- Я ожидал увидеть Наташку, Наталью Петровну, а увидел фею! Или ведьму! Прекрасную ведьму! Русалку!

- Златоуст, - произносит она ядовито, но с улыбкой. Ей приятно.

- Наточка, - говорит он. - Завтра? В "Поплавок", а? На плес, а? Как в старые добрые времена!..

- Не выйдет, - говорит она. - Ушел кораблик. Видишь парус? И вообще уходи. Сейчас ко мне придут.

- Эхе-хе! - Он поднимается. - Не везет мне сегодня... Слушай, Наталья, - спохватился он. - У меня к тебе огромная просьба!

- Так бы и говорил с самого начала...

- У тебя на курсах есть такой Сеня... Семен Семенович Долгополов...

- Знаю я его. Лысый такой, из Гортранса... Очень тупой...

- Святые слова! Лысый, тупой из Гортранса. И еще у него гипертония и зять - пьяница. А ему нужна справка об окончании ваших Курсов. Во как нужна, у него от этого командировка зависит в загранку... Сделай ему зачет, ради Христа. Ты его уже два раза провалила...

- Три.

- Три? Ну значит, он мне наврал. Постеснялся. Да пожалей ты его, что тебе стоит?

- Он мне надоел, - произносит Наташа со странным выражением.

- Так тем более! Сделай ему зачет, и пусть он идет на все четыре стороны... Пожалей!

- Хорошо, я подумаю.

- Ну вот и прекрасно! Ты же добрая, я знаю...

- Пусть он ко мне зайдет завтра в это время.

Вечереет. Феликс предпринимает еще одну попытку избавиться от посуды. Он встает в хвост очереди, голова которой уходит в недра какого-то подвала. Стоит, закуривает, смотрит на часы. Потоптавшись в нерешительности, обращается к соседу:

- Слушай, друг, не возьмешь ли мои? По пять копеек?

Друг отзывается:

- А мои по четыре не возьмешь?

Феликс вздыхает и, постояв еще немного, покидает очередь. Он вступает в сквер, тянувшийся вдоль неширокой улицы, движение на которой перекрыто из-за дорожных работ. Тихая, совершенно пустая улица с разрытой мостовой и кучами булыжников.

Феликс обнаруживает, что на ботинке развязался шнурок.

Он подходит к скамейке, опускает на землю авоську и ставит правую ногу на край скамейки. Вдруг авоська словно взрывается - с лязгом и дребезгом.

Неведь откуда брошенный булыжник угодил в нее и произвел в бутылках разрушения непоправимые. Брызги стеклянного лома усеяли все близлежащее пространство.

Феликс растерянно озирается. Сквер пуст. Улица пуста. Сгущаются вечерние тени. В куче стеклянного крошева в авоське закопался булыжник величиной с голову ребенка.

- Странные дела... - произносит Феликс в пространство.

Он делает движение, собираясь нагнуться за авоськой, но затем пожимает плечами и уходит, засунув руки в карманы.

В шесть часов вечера Феликс, подумав о еде, входит в зал ресторана "Кавказский". Он останавливается у порога, и тут к нему величественно и плавно придвигается метрдотель Павел Павлович - рослый смуглый мужчина в черном фрачном костюме с гвоздикой в петлице.

- Давненько не изволили заходить, Феликс Александрович! - рокошет он.
- Дела? Заботы? Труды?

- Труды, труды, - невнимательно отзывается Феликс. - А равно и заботы... А вот вас, Павел Павлович, как я наблюдаю, ничто не берет. Атлет, да и только...

- Вашими молитвами, Феликс Александрович. А паче всего - беспощадная дрессировка организма. Ни в коем случае не распускать себя! Постоянно держать в узде!... Извольте вот туда, к окну...

- Спасибо, Павел Павлович, в другой раз... Мне бы с собой чего-нибудь. Домой к ужину. Ну там, пару калачиков, ветчинки, а? Но в долг, Пал Палыч! А?

- Сделаем.

Через некоторое время Феликс получает довольно объемный сверток.

Из телефона-автомата Феликс звонит на квартиру Курдюкова.

- Зюечка, это я, Феликс... Ну как там Костя?

- Ой, как хорошо, что вы позвонили, Феликс! Я только что из больницы! Вы знаете, он очень просит, чтобы вы к нему зашли...

- Обязательно. А как же... А как он вообще?

- Да все обошлось, слава богу. Но он очень просит, чтобы вы пришли. Только об этом и говорит.

- Да? Н-ну... Завтра...

- Нет! Он просит, чтобы обязательно сегодня! Он мне просто приказал: позвонит Феликс Александрович - скажи ему, чтобы пришел обязательно сегодня же...

- Сегодня? Хм... - мямлит Феликс.

- Найди его, говорит, где хочешь! Хоть весь город объезди... Что-то у него к вам важное, Феликс. И срочное. Вы, поймите, он сам не свой. Ну забежите вы к нему сегодня, ну хоть на десять минут!

- Ну ладно, ну хорошо, что ж делать...

Когда Феликс входит в палату, Курдюков сидит на койке и с отвращением поедает манную кашу в жестяной тарелке. Он весь в больничном, но выглядит в общем неплохо, за умирающего его принять невозможно. Увидев Феликса, Курдюков живо вскакивает и так ярко к нему бросается, что Феликс даже шарахается от неожиданности. Курдюков хватает его за руку и принимается пожимать и трясти, и при этом говорит, как заведенный, не давая Феликсу сказать ни слова:

- Старик! Ты себе представить не можешь, что тут со мной было! Десять кругов ада, клянусь всем святым! Страшное дело! Представляешь, понабежали со всех сторон, с трубками, наконечниками, с клистирами наперевес, все в белом - жуткое зрелище...

Наступая на ноги он теснит Феликса к дверям.

- Да что ты все пихаешься? - спрашивает Феликс, уже оказавшись в коридоре.

- Давай, старик, пойдем присядем... Вон там у них скамеечка под пальмой.

Они усаживаются на скамеечку под пальмой.

- Потом, представляешь, кислород! - с энтузиазмом продолжает Курдюков. - Ну думаю, все, врезаю дуба. Однако нет! Проходит час, другой, прихожу в себя - и ничего!

- Не понадобилось, значит, - благодушно вставляет Феликс.

- Что именно? - быстро спрашивает Курдюков.

- Ну, этот твой... Мафусаил... Мафусалин... Зря, значит, я хлопотал.

- Что ты! Они мне, понимаешь, сразу клизму, промывание желудка под давлением, представляешь? У меня, понимаешь, глаза на лоб, я им говорю: ребята срочно зовите окулиста...

И тут Курдюков вдруг обрывает себя и спрашивает шепотом:

- Ты что так смотришь?

- Как? - удивляется Феликс. - Как я смотрю?

- Да нет, никак... - уклоняется Курдюков. - Ну иди! Что тут тебе со мной! Навестил, и спасибо большое... Коньячок за мной. Как только выйду - в первый же день.

Он встает. И Феликс тоже встает - в растерянности и недоумении. Некоторое время они молчат, глядя друг другу в глаза. Потом Курдюков вдруг снова спрашивает полупрошептом:

- Ты чего?

- Да ничего. Пойду.

- Конечно, иди... Спасибо тебе...

- Ты мне больше ничего не хочешь сказать? - спрашивает Феликс.

- Насчет чего? - произносит Курдюков совсем уже тихо.

- А я знаю - насчет чего? - взрывается Феликс. - Я знаю, зачем ты меня сюда - на ночь глядя? Мне говорят: срочное дело, необходимо сегодня же, немедленно... Какое дело? Что тебе необходимо?

- Кто говорил, что срочное дело?

- Жена твоя говорила! Зоя!

- Да нет! - объявляет Курдюков. - Да чепуха это все, перепутала она! Совсем не про тебя речь шла, и было это не так уж срочно... А она говорила - сегодня? Вот дурища! Она просто не поняла...

Феликс машет рукой.

- Ладно. Господь с вами обоими. Не поняла, так не поняла. Выздоровел - и слава богу. А я пошел.

Феликс направляется к выходу, а Курдюков семенит рядом, забегая то справа, то слева.

- Ну ты не обиделся, я надеюсь... - бормочет он. - Ты, главное, знай: я тебе благодарен так, что если ты меня попросишь... О чем бы ты меня не попросил... Ты знаешь, какого я страху натерпелся? Не дай бог тебе отравиться, Снегирев...

А на пустой лестничной площадке Курдюков вдруг обрывает свою бессвязицу, судорожно вцепляется Феликсу в грудь, прижимает его к стене и, брызгаясь, шипит ему в лицо:

- Ты запомни, Снегирев! Не было ничего, понял? Забуди!

- Постой, да ты что? - бормочет Феликс, пытаясь отодрать его руки.

- Не было ничего! - шипит Курдюков. - Не было! Хорошенько запомни! Не было!

- Да пошел ты к черту! Обалдел, что ли? - гаркает Феликс в полный голос. Ему удается, наконец, оторвать от себя Курдюкова, и, с трудом удерживая его на расстоянии, он произносит: - Да опомнись, чучело гороховое! Что это тебя разбирает?

Курдюков трясется, брызгается и все повторяет:

- Не было ничего, понял? Не было! Ничего не было!

Потом он обмякает и принимается плаксиво объяснять:

- накладку у меня получилась, Снегирев... Накладка вышла! Институт же тот, на Богородском шоссе, секретный, номерной... Не положено мне про него ничего знать... А тебе уж и подавно не положено! А я вот тебе ляпнул, а они уже пришли и замечание сделали... Прямо хоть из больницы не выходи! Накладка это... Загубишь ты меня своей болтовней!

- Ну хорошо, хорошо, - говорит Феликс, с трудом сохраняя спокойствие.

- Секретный. Хорошо. Ну чего ты дергаешься? Какое мне до всего этого дело? Надо, чтобы я забыл, - считай, что я забыл... Не было и не было, что я - спорю?

Он отодвигает Курдюкова с дороги и спускается по лестнице. Он уже в самом низу, когда Курдюков перегнувшись через перила, шипит ему в след на всю больницу:

- О себе подумай, Снегирев! Seriously тебе говорю! О себе!

Дома, в тесноватой своей прихожей, Феликс зажигает свет, кладет на столик сверток (с едой от Павла Павловича), устало стягивает с головы берет, снимает плащ и принимается аккуратно напяливать его на деревянные плечики.

И тут обнаруживает нечто ужасное.

В том месте, которое приходится как раз на левую почку, плащ проткнут длинным шилом с деревянной рукояткой.

Несколько секунд Феликс оцепенело смотрит на эту округлую деревянную рукоятку, затем осторожно вешает плечики с плащом на вешалку и двумя пальцами извлекает шило.

Электрический блик жутко играет на тонком стальном жале.

И Феликс отчетливо вспоминает:

- искаженную физиономию Курдюкова и его шипящий вопль: "О себе подумай, Снегирев! Серьезно тебе говорю! О себе!";

- стеклянный лязг и дребезг и булыжник в куче битого стекла на авоське;

- испуганные крики и вопли разбегающейся очереди и тупую страшную морду МАЗа, накатывающегося на него как судьба;

- и вновь бормотанье Курдюкова: "Не дай бог тебе отравиться, Снегирев..."

Слишком много всего для одного дня.

Не выпуская шила из пальцев, Феликс накидывает на дверь цепочку. Он испуган.

Глубокая ночь, дождь. Дома погружены во тьму, лишь кое-где горят одинокие прямоугольники окон.

У подъезда многоэтажного дома останавливается легковой автомобиль. Гаснут фары. Из машины выбираются под дождь четыре неясные фигуры, останавливаются и задирают головы.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС: Вон три окна светятся. Спальня, кабинет, кухня... Седьмой этаж.

МУЖСКОЙ ГОЛОС: Почему у него везде свет? Может, у него гости?

ДРУГОЙ МУЖСКОЙ ГОЛОС: Никак нет. Один он. Никого у него нет.

Кабинет Феликса залит светом. Горит настольная лампа, горит торшер, горит люстра, горят бра.

Феликс в застиранной пижаме работает за столом. Пишущая машинка по ночному времени отодвинута в сторону, Феликс пишет от руки. Страшное шило лежит тут же, в деревянном ящичке с картонными карточками.

Звонок в дверь.

Феликс смотрит на часы. Пять минут третьего ночи.

Феликс глотает всухую. Ему страшно.

Он идет в прихожую и останавливается перед дверью.

- Кто там? - произносит он сипло.

- Открой, Феликс, это я, - отзывается негромкий женский голос.

- Наташенька? - с удивлением и радостью говорит Феликс.

Он торопливо снимает цепочку и распахивает дверь.

Но на пороге вовсе не Наташа - давешний мужчина в клетчатом. Под пристальным взглядом его светлых выпуклых глаз Феликс отступает на шаг.

Все происходит очень быстро. Клетчатый оттесняет его, проникает в прихожую, крепко ухватывает за руки и прижимает к стене. А с лестничной площадки быстро и бесшумно входят в квартиру один за другим:

- огромный плечистый Иван Давыдович в черном плаще до щиколоток, в руке - маленький саквояж;

- стройная очаровательная Наталья Петровна с сумочкой на длинном ремешке через плечо;

- высокий смуглый Павел Павлович в распахнутом сером пальто, под которым виден все тот же черный фракный костюм с той же гвоздикой в петлице.

ФЕЛИКС (обалдело): Пал Палыч?

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ: Он самый, душа моя, он самый...

ФЕЛИКС: Что случилось?

Павел Павлович ответить не успевает. Из кабинета раздается властный голос:

- Давайте его сюда!

Клетчатый ведет Феликса в кабинет. Иван Давыдович сидит в кресле у стола. Плащ небрежно брошен на диван, саквояж поставлен у ноги.

ФЕЛИКС: Что, собственно, происходит? В чем дело?

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Тихо, прошу вас.

КЛЕТЧАТЫЙ: Куда его?

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Вот сюда... Сядьте, пожалуйста, на свое место, Феликс Александрович.

ФЕЛИКС: Я сяду, но я хотел бы все-таки знать, что происходит...

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Спрашивать буду я. А вы садитесь и будете отвечать на вопросы.

ФЕЛИКС: Какие вопросы? Ночь на дворе...

Слегка подталкиваемый клетчатым, он обходит стол и садится на свое место напротив Ивана Давыдовича. Он растерянно озирается; видно, что ему очень и очень страшно.

Хотя, казалось бы, чего бояться? Наташа мирно сидит на диване и внимательно изучает свое отражение в зеркальце, извлеченном из сумки. Павел Павлович обстоятельно устраивается в кресле под торшером и одобряюще кивает оттуда Феликсу. Вот только клетчатый... Он встает в дверях - скрестив ноги, прислонился к косяку и раскуривает сигарету; руки в черных кожаных перчатках.

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Сегодня в половине третьего вы были у меня в институте. Куда вы отправились потом?

ФЕЛИКС: А кто вы, собственно, такие? Почему я должен...

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Потому что. Вы обратили внимание, что сегодня трижды только случайно остались в живых?.. Ну вот хотя бы это... (Он берет двумя пальцами страшное шило за острие и показывает перед глазами Феликса) два сантиметра правее - и конец! Поэтому я буду спрашивать, а вы будете отвечать. Добровольно и абсолютно честно. Договорились?

Феликс молчит. Он сломлен.

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Итак, куда вы отправились от меня? Только не лгать.

ФЕЛИКС: В Дом Культуры. Железнодорожников.

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Зачем?

ФЕЛИКС: Я там выступал. Перед читателями... Вот гражданин может подтвердить. Он меня видел.

КЛЕТЧАТЫЙ: Правильно. Не врет.

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Кто была та пожилая женщина в очках?

ФЕЛИКС: Какая женщина?.. А, в очках. Это Марья Леонидовна! Зав. библиотекой.

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Что вы ей рассказывали?

ФЕЛИКС: Я? Ей?

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Вы. Ей.

КЛЕТЧАТЫЙ: Рассказывал, рассказывал! Минут двадцать у нее в кабинете просидел...

ФЕЛИКС: Что значит - просидел? Она мне путевку оформляла. Договорились о следующем выступлении... Ничего я ей не рассказывал? Что за подозрения? Скорее, она мне рассказывала...

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Итак, она завершила вам путевку. Куда вы отправились дальше?

ФЕЛИКС: На курсы! Наташа, скажи ему!

НАТАША: Феликс Александрович, ты не волнуйся. Ты просто рассказывай, как все было, и ничего тебе не будет.

ФЕЛИКС: Да я и так рассказываю все, как было...

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Кого еще из знакомых вы встретили на курсах?

ФЕЛИКС: Ну кого... (Он очень старается). Этого... Ну Валентина, инженера, из филиала, не знаю как его фамилия... Потом этого, как его... Ну такой, мордастенький...

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: И о чем вы с ними говорили?

ФЕЛИКС: Ни о чем я с ними не говорил. Я сразу пошел к Наташе. К Наталье Петровне.

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Потом вы оказались в ресторане. Зачем?

ФЕЛИКС: Как это - зачем? Поесть! Я же целый день не ел... Между прочим, из-за этого вашего Курдюкова!

Павел Павлович поднимается, секунду смотрит на телефон, выдергивает телефонный шнур из розетки и снимает аппарат со столика на пол. Затем произносит: "Эхе-хе..." - и направляется к двери на кухню.

ИВАН ДАВЫДОВИЧ (раздраженно): Павел... э... Павлович! Я не понимаю, неужели вы не можете десять минут подождать?

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ (приостанавливается на мгновение): А зачем, собственно, ждать? (Издевательским тоном.) Курдюков. Курдюков...

Он скрывается на кухне, оттуда доносится лязг посуды. Феликс

обнаруживает, что все с жадным вниманием смотрят на него.

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Феликс Александрович, будет лучше всего, если вы сами, без нашего давления, добровольно и честно расскажите нам: с кем вы сегодня говорили о Курдюкове, что именно говорили и зачем вы это делали. Я очень советую вам быть откровенным.

ФЕЛИКС: Да господи! Да разве я скрываю! С кем я говорил о Курдюкове? Пожалуйста. С кем я говорил... Да ни с кем я не говорил! С женой Курдюкова говорил, с Зоей! Она мне сказала, чтобы я поехал к нему в больницу, я и поехал. И все. Больше ни с кем!

На кухне снова слышится звон посуды, в кабинете появляется Павел Павлович. На нем кухонный фартук, в одной руке он держит шипящую сковородку, в другой - деревянную подставку для нее.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ: прошу прощения. Не обращайтесь внимания... Я у вас, Феликс Александрович, давешнюю ветчинку там слегка. Вы уж не обессудьте...

ФЕЛИКС (растерянно): Да ради бога... Конечно!

ИВАН ДАВЫДОВИЧ (раздраженно): Давайте не будет отвлекаться! Продолжайте, Феликс Александрович!

Но Феликс не может продолжать. Он с испугом и изумлением следит за действиями Павла Павловича. Тот ставит сковородку на журнальный столик и, нависнув над нею своим большим благородным носом, извлекает из нагрудного кармана фрака черный плоский футляр. Открыв его, он некоторое время водит над ним указательным пальцем, произносит как бы в нерешительности "Гм!" и вынимает из футляра тонкую серебряную трубочку.

КЛЕТЧАТЫЙ (бормочет): Смотреть страшно...

Павел Павлович аккуратно отвинчивает колпачок и принимается капать из трубочки в яичницу - на каждый желток по капле.

НАТАША: Какой странный запах... Вы уверены, что это съедобно?

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ: Это, душа моя, "ухе-тхо"... В буквальном пере воде - "желчь водяного". Этому составу, деточка, восемь веков...

ИВАН ДАВЫДОВИЧ (стучит пальцем по столешнице): Довольно, довольно! Феликс Александрович, продолжайте! О чем вы договорились с Курдюковым в больнице?

ФЕЛИКС: С Курдюковым? В больнице? Н-ну... Ни о чем определенном мы не договаривались. Он обещал поставить бутылку коньяку...

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: И все?

ФЕЛИКС: И все...

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: И ради этого вы поперли на ночь глядя через весь город в больницу?

ФЕЛИКС: Н-ну... Это же почти рядом...

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Курдюков ваш хороший друг?

ФЕЛИКС: Что вы! Мы просто соседи! Раскланиваемся... Я ему отвертку, он мне пылесос...

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Понятно. Посмотрите, что у вас получается. Не слишком близкий ваш приятель, чувствующий себя уже вполне неплохо, вызывает вас поздно вечером к себе в больницу только для того, чтобы пообещать распить с вами бутылку коньяка. Я правильно резюмировал ваши показания?

ФЕЛИКС: Д-да...

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: О чем вы сговорились с Курдюковым в больнице?

ФЕЛИКС: Ей-богу, ни о чем!

КЛЕТЧАТЫЙ: Врет, брешет! Не знаю, о чем они там сговорились, но на лестнице было у них крупное объяснение! Он по ступенькам сыпался - красный, как помидор! Врет!

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ (негромко): А всего-то и надо было вам, ротмистр, сделать два шага вверх по лестнице. Вы бы все и услышали, а мы бы здесь и не гадали...

КЛЕТЧАТЫЙ (смирненно): Виноват, ваше сиятельство. Однако пусть этот аферист объяснит нам, господа, что означали слова: "О себе подумай, Снегирев! О себе!" Эти слова я слышал прекрасно и никак не могу взять в толк, к чему они!

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: О чем вы сговорились с Курдюковым?

ФЕЛИКС: Господа! Да что вы ко мне пристали, в самом деле?

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: О чем вы сговорились с Курдюковым?

ФЕЛИКС: Наташа! Да кто это такие? Что им нужно от меня? Скажи им, чтобы отстали!

Клетчатый коротко гогочет.

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Слушайте меня внимательно. Мы отсюда не уйдем до тех пор, пока не выясним все, что нас интересует. И вы нам обязательно расскажите все. Вопрос только - какой ценой. Церемониться мы не будем. Мы не умеем церемониться. И должно быть тихо, даже если вам будет очень больно...

Он берет саквояж, ставит на стол, раскрывает, извлекает автоклавчик и, звякая металлом и стеклом, принимается снаряжать шприц для инъекций.

Феликс наблюдает эти манипуляции, покрываясь испариной.

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Разумеется мы бы предпочли получить от вас информацию быстро, без хлопот и в чистом виде, без примесей. Я думаю, это в ваших интересах...

Клетчатый скользящим шагом пересекает комнату и намеревается встать у Феликса за спиной. Феликс в панике отодвигается вместе со стулом и оказывает загнанным между столом и книжной стенкой.

КЛЕТЧАТЫЙ (шепотом): Тихо! Сидеть!

ФЕЛИКС (с отчаянием): С-слушайте! Какого дьявола? Наташа! Пал Палыч! Наташа сидит на диване, уютно поджавши под себя ноги. Она подпиливает пилкой ногти.

НАТАША (ласково-наставительно): Феликс, милый, надо рассказать. Надо все рассказать, все до последнего.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ: Да уж, Феликс Александрович, вы уж пожалуйста! Зачем вам лишние неприятности?

ФЕЛИКС (он сломлен, дрожащим голосом): Да-да, надо.

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Отвечать будете?

ФЕЛИКС: Да-да, обязательно...

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: О чем вы сговорились с Курдюковым?

Феликс не успевает ответить, да он и не знает, что отвечать.

Дверь в комнату распахивается, и на пороге объявляется Курдюков. Он в мокром пальто не по росту, из-под пальто виднеются больничные подштанники, на ногах - мокрые растоптанные тапки.

- Ага! - с фальшивым торжеством произносит он и вытирает рот тыльной стороной кулака, в котором зажата огромная стамеска. - Взяли гада? Хорошо! Молодцы. Но как же это вы без меня? Непорядок, непорядок, не по уставу! Апеллирую к вам, магистр! Не по уставу! Итак: кто ему рассказал про эликсир?

ИВАН ДАВЫДОВИЧ (вскакивая): Он знает про эликсир?

НАТАША (тоже подскочив): То есть как это?

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ: Что-что-что?

КЛЕТЧАТЫЙ: А что я вам говорил?

КУРДЮКОВ: Хе! Он не только про эликсир знает! Он мне намекал, что ему и про источник известно! Он мне и Крапивкин Яр называл, сукин сын! Все взоры устремляются на Феликса.

ФЕЛИКС (бормочет, запинаясь): Ты что Курдюков? Какой еще эликсир? Крапивкин Яр - знаю, а эликсир... Какой эликсир?

Курдюков наклоняется к нему, уперев руки в боки:

- А Крапивкин Яр, значит, знаешь?

ФЕЛИКС: З-знаю... Кто же его не знает?

КУРДЮКОВ: Ладно, ладно! "Кто ж его не знает..." А что ты мне про Крапивкин Яр намекал давеча? Помнишь?

ФЕЛИКС: Про Крапивкин Яр? Когда?

КУРДЮКОВ: А сегодня! В больнице! "Вот поправишься, Костенька, и пойдем мы с тобой прогуляться в Крапивкин Яр..." У меня глаза на лоб полезли! Откуда? Как узнал? Я тебя предупреждал давеча? "Молчи! Ни единого слова! Никому!" Говорил я тебе или нет?

ФЕЛИКС: Ну говорил! Так ведь ты про что говорил? Ты же ведь...

КУРДЮКОВ: А! Признаешь! Правильно? А раз признаешь - не надо запираться! Честно признайся: кто тебе рассказал? Наташка? В постельке небось рассказала? Расслабилась?

Он оглядывается на Наташу и шарахается, заслоняясь кулаком со стамеской: Наташа надвигается на него неслышным кошачьим шагом, слегка пригнувшись, с хищно шевелящимися пальцами, норовящими выцарапать глаза.

НАТАША (яростно шипит): Ах ты, паскуда противная, душа гадкая, грязная, ты что же это хочешь сказать, пасть твоя черная, немытая?

КУРДЮКОВ (визжит): Я ничего не хочу сказать! Магистр, это гипотеза! Защитите меня!

Наташа вдруг останавливается, поворачивается к Ивану Давыдовичу и спокойно произносит:

- Все ясно. Этот патологический трус сам же все и разболтал. Обожрался тухлятиной, вообразил, что подышает, и со страху все разболтал первому встречному...

КУРДЮКОВ: Вранье! Первый был доктор из "скорой помощи"! А потом санитары! А уж только потом...

НАТАША: Ты им все разболтал, гнида?

КУРДЮКОВ: Никому! Ничего! Он уже и так все знал!

Клетчатый, оставив Феликса, начинает бочком-бочком придвигаться к Курдюкову. Заметив это, Курдюков валится на колени перед Иваном Давыдовичем.

КУРДЮКОВ: Магистр! Не велите ему! Я все расскажу! Только попросил съездить его к вам... Назвал вас, виноват. Страшно мне было очень... Но он и так уже все знал! Улыбнулся этак зловеще и говорит: "Как же, знаю, знаю магистра..."

ФЕЛИКС: Что ты несешь? Опомнись!

КУРДЮКОВ: "Поеду, говорит, так и быть, поеду, но вечером мы еще с тобой поговорим!" Я хотел броситься, я хотел предупредить, но меня промывали, я лежал пластом...

ФЕЛИКС: Товарищи, он все врет. Я не понимаю, чего ему от меня надо, но он все врет...

КУРДЮКОВ: А вечером он уже не скрывался! Поймите меня правильно, я волнуюсь, я не могу сейчас припомнить его речей в точности, но про все он мне рассказал специально, чтобы доказать свою осведомленность...

ФЕЛИКС: Врет.

КУРДЮКОВ: ...Чтобы доказать свою осведомленность и склонить меня к измене! Он сказал, что нас пятеро, что мы бессмертные...

ФЕЛИКС: Врет.

КУРДЮКОВ (заунывно, словно бы пародируя): "В Крапивкином Яре за шестью каменными столбами под белой звездой укрыта пещера, и в той пещере эликсира источник, точащий капли бессмертия в каменный стакан..."

ФЕЛИКС: Впервые эту чепуху слышу. Он просто с ума сошел.

КУРДЮКОВ (воздев палец): "Лишь пять ложек эликсира набирается за три года, и пятерых они делают бессмертными..."

ФЕЛИКС: Он же из больницы сбежал, вы видите...

КУРДЮКОВ (обычным голосом): Он вас назвал, магистр. И Наташечку. И вас, князь. А пятого, говорит, я до сих пор не знаю...

Все смотрят на Феликса.

ФЕЛИКС (пытаясь держать себя в руках): Для меня все это - сплошная галиматья. Горячечный бред. Ничего я этого не знаю, не понимаю и говорить об этом просто не мог.

Все молчат.

Феликс встает, и на него сзади насккивает Курдюков. Он обхватывает Феликса левой рукой за лицо, чтобы зажать рот, а правой с силой бьет стамеской в спину снизу вверх. Стамеска тупая, рука у Курдюкова соскальзывает, и ни какого убийства не получается. Феликс лягает Курдюкова ногой, тот отлетает на Ивана Давыдовича, и оба они вместе с креслом рушатся на пол.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ (насмешливо): Развоевались!...

НАТАША (она уже возлежит на диване): Шляпа. И всегда он был шляпой, сколько я его помню...

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ: Но соображает быстро, согласитесь...

Иван Давыдович, наконец, поднимается, безглаголиво вытирая ладони о бока, а Курдюков остается на полу - лежит скорчившись, обхватив руками голову.

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Господа, так все-таки нельзя. Так мы весь дом разбудим. Я попрошу, господа...

ФЕЛИКС (дрожащим голосом): Слушайте, а может, хватит на сегодня? Может, вы завтра зайдете? Ведь, ей-богу,ждемся, что кто-нибудь милицию вызовет...

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Сядьте. Сядьте, я вам говорю!... (Пауза). Вот что, господа. Ситуация переменялась. Я бы сказал, она усложнилась. Я, господа, прошу вас основательно усвоить, что сегодня нам ничего здесь делать нельзя. (Он принимается собирать обратно в саквояж свои медицинские

причиндалы). Если мы оставим здесь труп, милиция разыщет нас очень быстро. Это понятно?

КЛЕТЧАТЫЙ: Виноват, герр магистр, не совсем понятно. Нам не обязательно оставлять труп здесь! Можно выкинуть его в окно. Седьмой этаж... Вдребезги! Самоубийство!

НАТАША (решительно): Нет, господа, я тоже против. Все знают, что мы с Феликсом дружили, вчера он ко мне приходил, ночью меня не было дома... Зачем мне это надо? Затаскают по следователям. Я вообще против того, чтобы Феликса трогать. Его надо принять.

КУРДЮКОВ (выскакивает из угла, как черт из коробочки): Это за чей же счет? Сука! Шлюха ты беспардонная!

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Да тише вы, Басаврюк! Сколько можно повторять? Ти-ше! Извольте не забывать, что это по вашей вине все мы сидим здесь и не знаем, на что решиться...

И тут Феликс взрывается. Он грохает ладонью по столу и голосом, сдавленным от страха и ненависти, объявляет:

- Убирайтесь к чертовой матери! Все до одного! Сейчас же! Сию минуту! Чтобы ноги вашей здесь не было!

Клетчатый, хищно присев, делает движение к Феликсу.

ФЕЛИКС (Клетчатому): Давай, давай, сволочь, иди! Ты, может, меня и изуродуешь, бандюга, протокольная морда, ну и я здесь тоже все разнесу! Я здесь вам такой звон устрою, что не только дом - весь квартал сбежится! Иди, иди! Я вот сейчас для начала окно высажу с рамой...

ИВАН ДАВЫДОВИЧ (резко): Прекратите истерику!

ФЕЛИКС (бешено): А вы заткнитесь! Заткнитесь и выметайтесь отсюда со всей своей бандой! Немедленно!

ИВАН ДАВЫДОВИЧ (очень спокойно): Вашу дочь зовут Лиза...

ФЕЛИКС: А вам какое дело?

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Вашу дочь зовут Лиза, ваших внуков зовут Фома и Антон, живут они на Малой Тупиковой, шестнадцать. Правильно?

Феликс молчит.

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Я надеюсь, вы понимаете, на что я намекаю?

ФЕЛИКС: Чего вам от меня надо - вот чего я никак не пойму!

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Сейчас поймете. Судьбе было угодно, чтобы вы проникли в нашу тайну...

ФЕЛИКС: Никаких тайн я не знаю и знать не хочу.

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Пустое, пустое. Следствие закончено. Не об этом вам надлежит думать. Вам предстоит сейчас сделать выбор: умереть или стать бессмертным. Вы готовы сделать такой выбор?

ФЕЛИКС медленно качает головой.

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Почему?

ФЕЛИКС: Почему? Да потому, что нет у меня никакого выбора... Если я выберу смерть, вы меня выкинете в окно... А если я выберу это ваше бессмертие - я вообще не знаю, какую гадость вы мне тогда сделаете. Чего от вас еще ждать?

НАТАША: Святая дева! До чего же глупы эти современные мужчины! Я, помнится, моментально поняла, о чем идет речь...

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Не забывайте, мадам, это было пятьсот лет назад...

НАТАША: Четыреста семьдесят три!

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Да-да, конечно... Тогда ведь все это было в порядке вещей: бессмертие, философский камень, полеты на метле... Вам ничего тогда не стоило поверить первому слову! А вы представьте себе, что пишете заметку для газеты "Кузница кадров", а тут к вам приходят и предлагают бессмертие... (Он пристально, изучающе смотрит на Феликса, а потом начинает с выражением, словно читая по тексту, говорить.) Недалеко от города, в Крапивкином Яру, есть карстовая пещера, мало кому здесь известная. В самой глубине ее, в гроте, совсем уже никому не известном, свисает со свода одинокий сталактит весьма необычного красного цвета. С него в каменное углубление капает эликсир жизни. Пять ложек в три года. Этот эликсир не спасает ни от яда, ни от пули, ни от меча. Но он спасает от старения. Говоря современным языком, это некий гормональный регулятор необычайной мощности. Одной ложечки в три года достаточно для того, чтобы воспрепятствовать любым процессам старения в человеческом организме. Любим! Организм не стареет! Совсем не стареет. Вот вам сейчас пятьдесят лет. Начнете пить эликсир, и вам всегда будет пятьдесят. Всегда вечно.

Понимаете? По чайной ложке в три года, и вам всегда пятьдесят лет.

Феликс пожимает плечами. Не то чтобы он поверил всему этому, но речь Ивана Давыдовича, а в особенности научные термины производят на него успокаивающее действие.

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Беда, однако, в том, что ложечек всего пять. А значит и бессмертных может быть только пять. Со всеми вытекающими отсюда последствиями. Понятно? Или нет?

ФЕЛИКС: Шестой лишний?

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Истинно так.

ФЕЛИКС: Но ведь я, кажется, не претендую...

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: То есть вам угодно выбрать смерть?

ФЕЛИКС: Почему - смерть? Меня это вообще не касается! Вы идите своей дорогой, а я - своей... Обходились же мы друг без друга до сих пор!

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Я вижу, что вы пока не поняли ситуацию. Эликсира хватает только на пятерых. Надо объяснять, что желающих нашлось бы гораздо больше! Если бы сведения распространились, у нас бы просто отняли бы источник, и мы бы перестали быть бессмертными. Понимаете? Мы все были бы давным-давно мертвы, если бы не сумели до сих пор - на протяжении веков! - Сохранить тайну. Вы эту тайну узнали, и теперь одно из двух: или вы присоединяетесь к нам, или, извините, мы будем вынуждены вас уничтожить.

ФЕЛИКС: Глупости какие... Что же, по-вашему, я побегу сейчас везде рассказывать вашу тайну? Что я, идиот? Меня же немедленно посадят в психушку!

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Может быть. И даже наверное. Но согласитесь - уже через неделю сотни и сотни дураков выйдут на склоны Крапивкина Яра с мотыгами и лопатами. Люди так легковерны, так жаждут чуда! Нет, рисковать мы не станем. Видите ли, у нас есть опыт. Мы можем быть спокойны лишь тогда, когда тайну знают только пятеро.

ФЕЛИКС: Но я же никому не скажу! Ну зачем это мне, сами подумайте! Дочерью своей клянусь!

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Не надо. Это бессмысленно.

В кабинете появляется Павел Павлович с подносом, на котором дымятся шесть чашечек кофе.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ: а вот и кофеек! Прошу! (Наташе). Прошу, деточка... Ротмистр! Магистр, прошу вас... Вам приглянулась эта чашечка! Пожалуйста! Феликс Александрович! Я вижу, они вас совсем разволновали - хлебните черной бодрости, успокойтесь... Басаврюк, дружище, старый боевой конь, что ты забился в угол? Чашечку кофе - и все пройдет!

Обнеся всех, он возвращается к журнальному столику с оставшейся чашечкой и, очень довольный, усаживается в кресло.

Феликс жадно, обжигаясь, выхлебывает свой кофе, ставит пустую чашечку на стол и озирается.

Один только Павел Павлович с видимым наслаждением вкушает "Черную бодрость". Иван же Давыдович хотя и поднес свою чашечку к губам, но не пьет а пристально смотрит на Феликса. И Наташа не пьет: держа чашечку на весу, она внимательно следит за Иваном Давыдовичем. Ротмистр ищет, где бы ему присесть. А Курдюков у себя в углу уже совсем было нацелился отхлебнуть и вдруг перехватывает взгляд Наташи и замирает.

Иван Давыдович осторожно ставит свою чашечку на стол и отодвигает ее от себя указательным пальцем. И тогда Курдюков с проклятием швыряет свою чашечку прямо в книжную стенку.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ (хладнокровно): Что, муха попала? У вас, Феликс Александрович, полно мух на кухне...

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Князь! Ведь я же вас просил! Ну куда мы денем труп?

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ (ерничает): Труп? Какой труп? Где труп? Не вижу никакого трупа!

Наташа высоко поднимает свою чашечку и демонстративно медленно выливает кофе на пол. Ротмистр, звучно крикнув, ставит свою чашечку на пол и осторожно задвигает ногой под диван.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ: Ну, господа, на вас не угодишь... Такой прекрасный кофе... Не правда ли, Феликс Александрович?

КУРДЮКОВ: Гад ядовитый! Евнух византийский! Отравитель! За что? Что я тебе сделал? Убью!

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Басаврюк! Если вы еще раз позволите себе повыситься голос, я прикажу заклеить вам рот!

КУРДЮКОВ (страстным шепотом): Но он же отравить меня хотел! За что?

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Да почему вы решили, что именно вас?

КУРДЮКОВ: Да потому, что я сманил у него этого треклятого повара! Помните, у него был повар, Жерар Декотиль? Я его переманил, и с тех пор он меня ненавидит!

Иван Давыдович смотрит на Павла Павловича.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ (благодарно): Да я и думать об этом забыл! Хотя повар и на самом деле замечательный...

Феликс, наконец, осознает происходящее. Он медленно поднимается на ноги. Смотрит на свою чашку. Лицо его искажается.

ФЕЛИКС: Так это что - вы меня отравили? Павел Павлович?

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ: Ну-ну, Феликс Александрович! Что за мысли?

КЛЕТЧАТЫЙ (благодарно разглагольствует): Напрасно беспокоитесь, Феликс Александрович. Это он, конечно, целился не в вас. Если бы он целился в вас, вы бы уже у нас тут похолодели... А вот в кого он целился - это вопрос! Конечно, у нас здесь теперь один лишний, но вот кого он считает лишним?..

ФЕЛИКС: Зверье... Ну и зверье... Прямо вурдалаки какие-то...

Клетчатый:

А как же? А что прикажете делать? У меня, правда, опыта соответствующего пока нет. Не знаю, как это у них раньше проделывалось. Я ведь при источнике всего полтора года состою.

Феликс смотрит на него с ужасом, как на редкостное и страшное животное.

КЛЕТЧАТЫЙ: Сам-то я восемьсот второго года рождения. Самый здесь молодой, хе-хе... Но здесь, знаете ли, дело не в годах. Здесь главное - характер. Я не люблю, знаете ли, чтобы со мной шутили... Быстрота и натиск прежде всего, я так полагаю. Извольте, к примеру, сравнить ваше нынешнее положение с тем, как я себя вел при аналогичном, так сказать, выборе. Я тогда в этих краях по жандармской части служил и занимался преимущественно контрабандистами. И удалось мне выследить одну загадочную пятерку. Пещерка у них, вижу, в Крапивкином Яру, осторожное поведение... Ну думаю, тут можно попользоваться. Выбрал одного из них, который показался мне пожиже, и взял. Лично. А взявши - обработал. Ну-с, вот он мне все и выложил... Заметьте, Феликс Александрович: то, что вам нынче на блюде преподнесли по ходу обстоятельств, мне досталось в поте лица... Всю ночь, помню, как каторжный... Однако в отличие от вас я быстро разобрался, что к чему. Там, где место пятерым, - шестому не место.

ФЕЛИКС: Так вот почему этот идиот на меня кинулся... Со стамеской своей...

КЛЕТЧАТЫЙ: Не знаю, не знаю, Феликс Александрович... У него опыт! С одна тысяча двести семьдесят второго годика! Такое время при источнике удержаться - это надобно уметь!

ФЕЛИКС: Костя? С тысяча двести?...

ИВАН ДАВЫДОВИЧ (бодро): Так! Давайте заканчивать. Феликс Александрович, вы - сюда. Итак... с вашего позволения, я буду сразу переводить на русский... м-м-м... "В соответствии с основным... э-э-э... установлением... а именно, с параграфом его четырнадцатым... э-э... Трактующим о важностях..." Проклятие! Как бы это... Князь, подскажите, как это будет лучше, - "Ахе-ллан"?

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ: Да пропустите вы всю эту белиберду, магистр! Кому это нужно? Давайте суть и своими словами!

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Хорошо, я самую суть. Случай чрезвычайный, присутствуют все пятеро, каждый имеет один голос. Очередность высказываний произвольная либо по жребию, если кто-нибудь потребует. Прошу.

КУРДЮКОВ (свистящим шепотом): Я протестую!

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: В чем дело?

КУРДЮКОВ: Он же не выбрал! Он должен сначала выбрать!

НАТАША (глядясь в зеркальце): Ты полагаешь, котик, что он выберет смерть?

Все, кроме Курдюкова и Феликса, улыбаются.

КУРДЮКОВ: Я ничего не полагаю! Я полагаю, что должен быть порядок! Мы его должны спросить, а он должен ответить!

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Ну хорошо. Принято. Феликс Александрович, официально осведомляем вас, что вам угодно выбрать: смерть или бессмертие?

Белый, как простыня, Феликс откидывается на спинку стула и хрустит пальцами.

ФЕЛИКС: Объясните, хоть что все это значит!

ИВАН ДАВЫДОВИЧ (с досадой): Вы прекрасно понимаете! Если вы выбираете смерть, то вы умрете, и тогда голосовать нам, естественно не будет надобности. Если же вы выберете бессмертие, тогда вы становитесь соискателем, и дальнейшая ситуация подлежит обсуждению.

Пауза.

ИВАН ДАВЫДОВИЧ (с некоторым раздражением): Неужели нельзя обойтись без этих драматических пауз?

НАТАША (тоже с раздражением): Действительно, Феликс! Тянешь кота за хвост...

ФЕЛИКС: Я вообще не хочу выбирать.

КУРДЮКОВ (хлопнув себя по коленям): Ну вот и прекрасно! И голосовать нечего!

НАТАША: Феликс, ты доиграешься! Здесь тебе не редколлегия!

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ: Феликс Александрович, что это? Шутка? Извольте объяснить...

КУРДЮКОВ: А чего объяснять? Чего тут объяснять? Он же этот... Гуманист! Тут и объяснять нечего! Бессмертия он не хочет, не нужно ему бессмертие, а отпустить его нельзя... Так чего тут объяснять?

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Вы, Феликс Александрович, неудачное время выбрали для того, чтобы оригинальничать...

ФЕЛИКС: Я в эту игру играть не намерен.

НАТАША (нежно): Это же не игра, дурачок! Убьют тебя - и все. Потому что это не игра. Это кусочек твоей жизни. Может быть последний.

КУРДЮКОВ: А что она вмешивается? Что она лезет? Где это видано, чтобы уговаривали?

НАТАША (указывает пальцем на Феликса): Я - за него.

КУРДЮКОВ: Не по правилам!

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ: Магистр, а может быть, Феликс Александрович плохо себе представляет конкретную процедуру? Может, нам следует ввести его в подробности?

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Может быть. Попробуем. Итак, Феликс Александрович, когда вы выбрали бессмертие, вы тотчас становитесь соискателем. В этом случае мы утверждаем вашу кандидатуру простым большинством голосов, и тогда вам с господином Курдюковым, как самым старшим, останется решить вопрос между собой. Это может быть поединок, это может быть жребий - как вы договоритесь. Мы же со своей стороны сосредотачиваем усилия на том, что ваше... э... соревнование... не вызвало нежелательных осложнений. Обеспечение алиби... Избавление от мертвого тела... Необходимые лжесвидетельства... И так далее. Процедура вам ясна?

ФЕЛИКС (решительно): Делайте, что хотите. В шестой лишний я с вами играть не буду.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ (потрясенный): Вы отказываетесь от шанса на бессмертие?

Феликс молчит.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ (с восхищением): Господа! Да он же любопытная фигура! Вот уж никогда бы не подумал! Писателишка, бумагомарака!.. Вы знаете, господа, я тоже за него. Я - консерватор, господа, я не поклонник новшеств, но такой поворот событий! Или я ничего не понимаю, или теперь уже новые времена наступили, наконец... Хомо новус?

КУРДЮКОВ (скулит): Да какой он там хомо новус! Что вам, глаза позалепило? Продаст же он вас! Продаст! Для виду согласится, а завтра продаст! Да посмотрите вы на него! Ну зачем ему бессмертие? Он же гуманист, у него принципы! Феликс, ну скажи ты им, ну зачем тебе бессмертие, если у тебя руки будут в крови? Ведь тебе зарезать меня придется, Феликс! Как ты своей Лизке в глаза посмотришь?

НАТАША: А что это он вмешивается? Что он лезет? Где это видано, чтоб отговаривали?

КУРДЮКОВ (не слушая): Феликс! Ты меня слушай, ведь тебя знаю, тебе же это не понравится. Ведь бессмертие - это не жизнь, это совсем иное существование! Ведь я же знаю, что ты больше всего ценишь. Тебе дружбу подавай, любовь... А ведь ничего этого не будет! Откуда? Всю жизнь скрываться - от дочери, от внуков... Они же постареют, а ты - нет! От

властей скрываться. Феликс! Лет десять на одном месте - больше нельзя. И так веками, век за веком! (Зловеще). А потом ты станешь такой, как мы. Ты станешь такой, как я!

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ: Неплохо изложено. Я бы еще добавил из Шмальгаузена: "Природа отняла у нас бессмертие, давши взамен любовь". Но ведь и наоборот, господа! И наоборот!

КУРДЮКОВ (не слушая): Это же нужен особый талант, Феликс, - получать удовольствие от бессмертия!

ФЕЛИКС: Что ты меня уговариваешь? Ты своих динозавров уговаривай, чтобы они от меня отстали! Мне твое бессмертие и даром не нужно!

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ: Не увлекаетесь ли вы, Феликс Александрович? Как-никак, бессмертие есть заветнейшая мечта рода человеческого! Величайшие из величайших по пояс в крови не постеснялись бы пойти за бессмертием!.. Не гордыня ли вас обуревает, Феликс Александрович?

ФЕЛИКС: Вы мне предлагаете не бессмертие. Вы мне предлагаете совершить убийство.

КУРДЮКОВ (страстно): Убийство, Феликс! Убийство!

ФЕЛИКС: Величайшие из величайших - ладно. Знаю я, кого вы имеете в виду. Чингиз-хан, Тамерлан... Вы мне их в пример не ставьте, я этих маньяков с детства ненавижу.

КУРДЮКОВ (подхалимски): Живодеры, садисты...

ФЕЛИКС: Молчи! Ты мне никогда особенно не нравился, чего там... А сейчас вообще омерзителен... Такой ты подонок оказался, Костя, просто подлец... Но убить! Нет.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ: А вы что же, друг мой, хотите получить бессмертие даром? Забавно! Много ли вы в своей жизни получили даром? Очередь в кооператив - и то в грязи извалялись, а? А тут все-таки - бессмертие!

Феликс оглядывает всех по очереди.

ФЕЛИКС: Господи! Подумать только - Пушкин умер, а эти бессмертны! Коперник умер. Галилей умер...

КУРДЮКОВ (остервенело): Вот он! Вот он! Моралист вонючий - в натуральную величину! Неужели вы и теперь не понимаете, с кем имеете дело?

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ (поучительно): Что жизнь, что бессмертие... Жизнь дается нам бесплатно, а за бессмертие надо платить! Мне кажется, господа, вопрос решен. Феликс Александрович погорячится-погорячится да и поймет, что жизнь дается человеку один раз, и коль скоро возникла возможность растянуть ее на неопределенный срок, то такой возможностью надлежит воспользоваться независимо от того, какая у тебя фамилия - Галилей, Велизарий, Снегирев, Петров, Иванов... Феликсу Александровичу не нравится цена, которую приходится за это платить. Тоже не страшно! Внутренне соберется... Вы, кажется, вообразили себе, Феликс Александрович, что вам предстоит перепилить сопернику горло тупым ножом или, понимаете ли... Как он вас, стамеской... Или шилом...

КУРДЮКОВ: Только на шпагах.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ: Ну зачем обязательно на шпагах? Две пилюльки, совершенно одинаковые на вид, на цвет, на запах... (Лезет в кармашек, достает плоскую круглую коробочку, раскрывает и показывает.) Вы берете одну, соперник берет оставшуюся... Все решается в полминуты, не более... И никаких мучений, никаких судорог! Рецепт древний, многократно испытанный... И заметьте! Мук совести никаких: фатум!

КУРДЮКОВ (кричит): Только на шпагах!

НАТАША (задумчиво): Вообще-то на шпагах зрелищнее...

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ: Во-первых, где взять шпаги. Во-вторых, где они будут драться. В этой комнате? В-третьих, куда деть труп, покрытый колотыми и рубленными ранами? Разумеется, это гораздо более зрелищно. Особенно если принять во внимание, что Феликс Александрович сроду шпагу в руке не держал, а Басаврюк дрался на шпагах лет четыреста подряд... Такие бои особенно привлекательны для той стороны, у которой превосходство...

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Вы забегаете, князь! Давайте подбивать итоги. Вы, князь, за соискателя. Вы, сударыня, тоже. Басаврюка я не спрашиваю. Ротмистр?

КЛЕТЧАТЫЙ (бросает окурок на пол и задумчиво растирает его подошвой): Всячески прошу прощения, герр магистр, но я против. И вы меня извините, мадам, целую ручки, и вы, ваше сиятельство. Упаси бог, никого обидеть не хочу и никого не хочу задеть. Однако мнение в этом вопросе имею свое.

Господина Басаврюка я знаю с самого моего начала, и никаких внезапностей от него ждать не приходится. Он наш... А вот господин писатель, не в обиду ему будет сказано... Не верю я вам, господин писатель, не верю и никогда не поверю. И не потому я не верю, что вы плохой какой-нибудь или себе на уме, - упаси бог! Просто не понимаю я вас. Не понимаю я, что вам нравится, а что не нравится, чего хотите, а чего не хотите... Чужой вы, Феликс Александрович. Будете вы в нашей маленькой компании как заноза в живом теле, и лучше для всех нас, если вас не будет. Совсем. Извините великодушно, если кого задел. Намерения такого не было.

КУРДЮКОВ (прочувствованно): Спасибо, ротмистр! Никогда этого не забуду!

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Господа! Голоса разделились поровну. Решающий голос оказался за мной...

Он со значением смотрит на Феликса, и на лице его вдруг появляется выражение изумления и озабоченности.

Феликс больше не похож на человека, загнанного в ловушку. Он сидит вольно, несколько развалясь, закинув руки за спинку своего кресла. Лицо его спокойно и отрешенно, он явно не слышит и не слушает, он даже улыбается углом рта.

Наступившая тишина возвращает его к действительности. Он как бы спохватывается и принимается шарить рукой по бумагам на столе, находит сигареты, сует одну в рот, а зажигалки нет, и он смотрит на Клетчатого.

ФЕЛИКС: Ротмистр, отдайте зажигалку! Давайте, давайте, я видел! Что за манеры? (Ротмистр возвращает зажигалку.) И перестаньте мусорить на пол! Вот пепельница, пользуйтесь!

Все смотрят на него настороженно.

ФЕЛИКС: Господа динозавры, я тут несколько отвлекся и, кажется, что-то пропустил... Но знаете, что я обнаружил? У нас тут с вами, славу богу, не трагедия, а комедия! Комедия, господа! Забавно, правда?

Все молчат.

КУРДЮКОВ (неуверенно): Комедия ему...

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Я хотел бы поговорить с соискателем наедине.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ: И я тоже...

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Куда у вас здесь можно пройти, Феликс Александрович?

ФЕЛИКС: Что за тайны? А впрочем, пойдемте в спальню.

В спальне Феликс садится на тахту, Иван Давыдович устраивается на стуле.

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Итак, насколько я понял по вашему поведению, вы сделали выбор.

ФЕЛИКС: Какой выбор? Смерть или бессмертие? Слушайте, бессмертие, может быть, и неплохая штука, не знаю... Но в такой компании... В такой компании только покойников обмывать!

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Ах, Феликс Александрович, как вы меня беспокоите! Но смерть еще хуже! Да, конечно, по-своему вы правы. Когда обыкновенный серенький человек волею судьбы обретает бессмертие, он с неизбежностью превращается через два три-века в черт те что. Сторона характера, превалировавшая в начале его жизни, становится со временем единственной. Так появляется наша Наталья Петровна - маркитанточка из рейтарского обоза. Ныне в ней, кроме маркитантки, уже ничего не осталось, и надо быть, простите, Феликс Александрович, таким вот неприятельным самцом, как вы, чтобы увидеть в ней женщину...

ФЕЛИКС: Ну знаете!.. Ваш Павел Павлович не лучше!

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Нисколько не лучше! Я знаю, с чего он начинал, он очень древний человек, но сейчас это просто гигантский вкусовой пупырышек...

ФЕЛИКС: Недурно сказано!

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Благодарю вас... У меня вообще впечатление, Феликс Александрович, что из всей нашей компании я вызываю у вас наименьшее отвращение. Угадал?

Феликс неопределенно пожимает плечами.

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Благодарю еще раз. Именно поэтому я и решил потолковать с вами без свидетелей. Чтобы не маячили рядом совсем уж омерзительные рожи. Не стану притворяться: я холодный, равнодушный и жестокий человек. Иначе и быть не может. Мне пять сотен лет! За такое время волей-неволей освобождаешься от самых разнообразных химер: любовь,

дружба, честь. Мы все такие. Но в отличие от моих коллег по бессмертию я имею идею. Для меня существует в этом мире нечто такое, что нельзя ни сожрать, ни засунуть под зад, чтобы стало еще мягче. За свою жизнь я сделал сто семь открытий и изобретений! Я выделил фосфор на пятьдесят лет раньше Брандта, я открыл хроматографию на двадцать лет раньше цвета, я разработал периодическую систему примерно в те же годы, что и Дмитрий Иванович... По понятным причинам я вынужден сохранять все это в тайне, иначе мое имя гремело бы в истории - гремело бы слишком, и это опасно. Всю жизнь я занимался тем, что нынче назвали бы синтезированием эликсира. Я хочу, чтобы его было вдосталь. Нет-нет, не из гуманных соображений! Меня не интересуют судьбы человечества. У меня свои резоны. Простейший из них: мне надо сидеть в подполье и шарахаться от каждого жандарма. Мне надоело опережать время в своих открытиях. Мне надоело быть номером ноль! Я хочу быть номером один. Но мне не на кого опереться. Есть только четыре человека в мире, которым я мог бы довериться. Но они абсолютно бесполезны для меня. А мне нужен помощник! Мне нужен интеллигентный собеседник, способный ценить красоту мысли, а не только красоту бабы или пирожка с капустой. Таким помощником можете стать вы. По сути, Курдюков оказал мне услугу: он поставил вас передо мной. Я же вижу - вы человек идеи. Так подумайте: попадется ли вам идея, еще более достойная, чем моя!

ФЕЛИКС: Я ничего не понимаю в химии.

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: В химии понимаю я! Мне не нужен человек, который понимает в химии. Мне нужен человек, который понимает в идеях! Я устал быть один! Мне нужен собеседник, мне нужен оппонент. Соглашайтесь, Феликс Александрович! До сих пор бессмертных творил фатум. С вашей помощью их начну творить я. Соглашайтесь!

ФЕЛИКС (задумчиво): Н-да-а-а...

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Вас смущает плата? Это пустяки. Нигде не сказано, что вы обязаны убирать его собственными руками. Я помогу вам. Я обойдусь даже совсем без вас.

ФЕЛИКС: И всунете меня в сапоги убитого?

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Вздор, вздор, Феликс Александрович! Детский лепет, а вы же взрослый человек... Константин Курдюков прожил семьсот лет! И все это время он только и делал, что жрал, пил, грабил, портил малолетних и убивал. Он прожил шестьсот пятьдесят лишних лет! А вы разводите антимию вокруг его сапог! Кстати, и не его это сапоги - он сам влез в них, когда они были еще теплые... Послушайте, я был о вас лучшего мнения! Вам предлагают грандиознейшую цель, а вы думаете о чем?

ФЕЛИКС: Ни вы, ни я не имеем права решать, кому жить, а кому умереть.

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Ах, как с вами трудно! Гораздо труднее, чем я ожидал! Чего вы добиваетесь тогда? Ведь пойдете под нож!

ФЕЛИКС: Да не пойду я под нож!

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Пойдете под нож, как баран! А это ничтожество, эта тварь дрожащая, коей шестьсот лет как пора уже сгнить дотла, еще лет шестьсот будет порхать без малейшей пользы для чего бы то ни было! А я-то вообразил, что у вас действительно есть принципы. Ведь вы же писатель! Вам же представляется возможность, какой не было ни у кого! Переварить в душе своей многовековой личный опыт, одарить человечество многовековой мудростью... Вы подумайте, сколько книг у вас впереди, Феликс Александрович! И каких книг - невиданных, небывалых! Да... а я-то думал, что вы действительно готовы сделать что-то для человечества... Эх вы, мотыльки, эфемеры!

Иван Давыдович поднимается и выходит, и сейчас же в спальне объявляется Клетчатый.

КЛЕТЧАТЫЙ: Прошу прощения... Телефончик...

Он быстро и ловко отключает телефонный аппарат и несет к двери.

Оставшись один, Феликс бормочет:

- Ничего... Тут главное - нервы. Ни черта они мне не сделают...

У двери в спальню Курдюков уламывает Клетчатого.

КУРДЮКОВ: Убежит, я вам говорю! Обязательно удерет! Вы же его не знаете!

КЛЕТЧАТЫЙ: Куда удерет? Седьмой этаж, сударь...

КУРДЮКОВ: Придумает что-нибудь! Дайте я сам посмотрю.

КЛЕТЧАТЫЙ: Нечего вам там смотреть, все уже осмотрено...

КУРДЮКОВ (страстно, показывая растопыренные ладони): Чем? Чем я его шлепну? А если даже и шлепну - что здесь плохого?

КЛЕТЧАТЫЙ: Плохого здесь, может быть, ничего и нет, но с другой стороны, приказ есть приказ... (Он быстро и профессионально обшаривает Курдюкова). Ладно уж, идите, господин Басаврюк...

Курдюков на цыпочках входит в спальню и плотно закрывает за собой дверь.

Феликс встречает его угрюмым взглядом, но Курдюкова это нисколько не смущает. Он подсакивает к тахте и наклоняется к самому уху Феликса.

КУРДЮКОВ: Значит делаем так. Я беру на себя ротмистра. От тебя требуется только одно: держи магистра за руки, да покрепче. Остальное - мое дело.

Феликс отодвигает его растопыренной ладонью.

КУРДЮКОВ: Ну что уставился? Надо нам из это дерьма выбирать или не надо? Чего хорошего, если тебя или меня шлепнут? Ты, может думаешь, что о тебе кто-нибудь позаботится? Чего тебе тут магистр наплел? Наобещал небось с три короба! Больше заботиться некому! Дурак, нам только бы вырваться отсюда, а потом дернем кто-куда... Неужели у тебя места не найдется, куда можно нырнуть и отсидеться?

ФЕЛИКС: Значит, я хватаю магистра?

КУРДЮКОВ: Ну?

ФЕЛИКС: А ты, знаешь, хватаешь ротмистра?

КУРДЮКОВ: Ну! Остальные - они ничего не стоят!

ФЕЛИКС: Пошел вон!

КУРДЮКОВ: Дурак! Не веришь мне? Ну ты мне только пообещай: когда я ротмистра схвачу, попридержи Иван Давыдовича!

ФЕЛИКС: Вон пошел, я тебе говорю!

КУРДЮКОВ (рычит как собака): О себе подумай, Снегирев! Еще раз тебе говорю! О себе подумай!

Едва он скрывается в спальню является Наташа и тоже плотно закрывает за собой дверь. Она подходит к тахте, садится рядом с Феликсом и озирается.

НАТАША: Господи, как давно я здесь не была! А где же секретер? У тебя же тут секретер стоял...

ФЕЛИКС: Дочери отдал. Почему это тебя волнует?

НАТАША: А что это ты такой колючий? Я ведь тебе ничего плохого не сделала. Ты ведь сам в эту историю въехал... Фу ты, какое злое лицо! Вчера ты на меня не так смотрел... Страшно?

ФЕЛИКС: А чего мне бояться?

НАТАША: Ну как сказать... Пока Курдюков жив...

ФЕЛИКС: Да не посмеете вы.

НАТАША: Сегодня не посмеете, а завтра...

ФЕЛИКС: И завтра не посмеете. Неужели никто из вас до сих пор не сообразил, что вам же хуже будет?

НАТАША: Слушай. Ты не понимаешь. Они совсем без ума от страха. Они сейчас от страха на все готовы, вот что тебе надо понять. Я вижу, ты что-то там задумал. Не зарывайся? никому не верь, ни единому слову. И спиной ни к кому не поворачивайся - охнуть не успеешь! Я видела, как это делается...

ФЕЛИКС: Что это ты вдруг меня опять полюбила?

НАТАША: Сама не знаю. Я тебя сегодня словно впервые увидела. Я же думала: ну, мужичишка, на два вечерка сгодится... А ты вон какой у меня оказался! (Она придвигается к нему, прижимается, гладит по лицу). Мужчина... Ну обними меня! Ну что ты сидишь, как чужой? Ну это же я... Вспомни, как ты говорил: фея, ведьма прекрасная... Ну! Я ведь проститься хочу. Я не знаю, что будет через час...

Феликс с усилием освобождается от ее рук и встает.

ФЕЛИКС: Да что ты меня хоронишь? Перестань! Вот нашла время и место!

НАТАША: Ну почему? Почему? Это же я, вспомни меня... Трупик мой любимый, желанный!

ФЕЛИКС: Слушай, тебе же пятьсот лет! Побойся бога, старая женщина! Да мне теперь и подумать страшно!

Она останавливается, будто он ударил ее кнутом.

НАТАША: Болван. Труп вонючий. Евнух.

ФЕЛИКС (спохватившись): Господи, ну извини... Что это я, в самом деле... Но и так же тоже нельзя.

НАТАША: Дрянь. Идиот. Ты что - вообразил, что магистр за тебя заступится? Да ему одно только и нужно - баки тебе забить, чтобы ты завтра по милициям не побежал, чтобы время у нас оставалось решить, как мы тебя будем кончать! Что он тебе наобещал? Какие золотые башни? Дурак ты стоеросовый, кастрат неживой! Тьфу!

В спальню заглядывает Павел Павлович. В руке у него бутерброд, он с аппетитом прожевывает лакомый кусочек.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ: Деточка, десять минут истекли! Я полагаю, вы уже закончили?

НАТАША (злобно): И не начали даже!

И она стремительно выходит вон мимо посторонившегося Павла Павловича.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ: Ай-яй-яй-яй-яй! Вы ее, кажется, обидели. Напрасно, напрасно. (Садится, откусывает бутерброд.) Весьма опрометчиво. Могли бы заметить: у нас ко всем этим тонкостям, к нюансам относятся очень болезненно! Обратили внимание, как Басаврюк попытался подставить маркизу вместо себя? Дескать, это она все наши секреты вам по женской слабости рассказала? Ход простейший, но очень, очень эффективный! Могло бы и пройти... Вполне могло бы! А что в основе? Маленькое недоразумение, случившееся лет этак семьдесят назад. Или сто, точно не помню. Отказала ему маркиза. Никому никогда не отказывала, а ему отказала... Чувствуете? Вы не поверите, а вот сто лет прошло, и еще сто пройдет, а забыто не будет! А в общем-то, мы все друг друга не слишком-то долюбливаем. Это магистр наш, Иван Давыдович, высоко о себе мнит, а на самом деле - обыкновенный графоман от науки. Я же специально справки наводил у него в институте... Он там вечный предместкома. Вот вам и друг Менделеева! Диву даюсь, что в нем этот ротмистр нашел!

Феликс садится на другой край тахты и исподлобья наблюдает за Павлом Павловичем. А тот неторопливо извлекает из своего футляра очередную серебристую трубочку, капают из нее на последний кусочек бутерброда и, закативши глаза, отправляет кусочек в рот. Она наслаждается, причмокивает, подсасывает, покачивает головой как бы в экстазе. Проглотивши, наконец, он продолжает:

- Вот чего вы, смертные, понять не в состоянии - вкуса. Вкуса у вас нет! Иногда я стою в зале ресторана, наблюдаю за вами и думаю: "Боже мой! Да люди ли это? Мыслящие ли это существа?" Ведь вы же не едите, Феликс Александрович! Вы же просто в рот куски кладете! Это же у вас какой-то механический процесс, словно грубый грязный кочегар огромной лопатой швыряет в топку базарный уголь. Ужасающее зрелище, уверяю вас. Вот, между прочим, один аспект нашего бессмертия, который вас, конечно, на ум не приходит. Наше бессмертие - это бессмертие олимпийцев, упивающихся нектаром, это бессмертие пирующих воинов Валгаллы! Этот эликсир - что-то поразительное! Вы можете есть все, что угодно, кроме распоследней тухлятины. Вы можете пить любые напитки, кроме отравленных ядов. Никаких катаров, никаких гастритов, никаких заворотов кишок и прочих запоров... И при всем при том ваша обонятельная и вкусовая система всегда в идеальном состоянии. Какие безграничные возможности для наслаждения! Какое необозримое поле для эксперимента! А вы ведь любите вкусненько поесть, Феликс Александрович! Не умеете - да. Но любите! Так что нам с вами будет хорошо. Я вас кое-чему научу, век благодарны будете... И не один век!

ФЕЛИКС: Да вы просто поэт! Бессмертный бог гастрономии!

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ: Оставьте этот яд. Он неуместен. По сути дела, я хотел помочь вам преодолеть вашу юношескую щепетильность. Я понимаю, у вас нет и быть не может привычки распоряжаться чужой жизнью, это не в обычаях общества... А может, вы просто боитесь рисковать? Так ведь риска никакого нет. Пусть он сколько угодно кричит о шпагах - никаких шпаг ему не будет. Будут либо две пилюльки, либо два шприца. Магистр обожает шприцы! А тогда все упирается в чистую технику, в ловкость рук. Этим буду заниматься я, и успех я вам гарантирую...

ФЕЛИКС: Слушайте, а зачем это вам? Какая вам от меня польза? Чокаться вам не с кем, что ли? Нектаром...

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ: Польза-то как раз должна быть вам очевидна.

Во-первых, мы уберем мозгляка. Это поганый тип, он у меня повара сманил. Жерарчика моего... Карточные долги я ему простил, пусть, но Жерара! Не могу я этого забыть, не хочу, и не просите... А потом... Равновесия у нас в компании нет, вот что главное. Я старше всех, а хожу на вторых ролях. Почему? А потому, что деревянный болван ротмистр держит почему-то нашего алхимика за вождя. Да какой он вождь? Он пеленки еще мочил, когда я был хранителем трех ключей... А теперь у него два ключа, а у меня - один!

ФЕЛИКС: Понимаю вас. Однако же я не ротмистр.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ: Э, батенька! Что значит - не ротмистр? Физически крепкий человек, да еще с хорошо подвешенным языком, да еще писатель, то есть человек с воображением... Да мы бы с вами горы своротили вдвоем! Я бы вас с маркизой помирил. Что вам делить с маркизой? И стало бы нас уже трое...

ФЕЛИКС: Благодарю за честь, но вынужден отказаться.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ: Почему, позвольте узнать?

ФЕЛИКС: Тошнит.

Пауза.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ: Позвольте мне резюмировать ситуацию. С одной стороны - практическое бессмертие, озаренное наслаждениями, о которых я упомянул лишь самым схематическим образом. А с другой - скорая смерть, в течение ближайшей недели, я полагаю. И вам угодно выбрать...

ФЕЛИКС: Я резюмирую ситуацию совсем не так...

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ: Батенька, да в словах ли дело? Бессмертия вы хотите или нет?

ФЕЛИКС: На ваших условиях? Конечно нет.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ (воздевая руки): На наших условиях, видите ли! Да что же вы за человек, Феликс Александрович? Я чудовищно стар. Вы представить себе не можете, как я стар. Я сам иногда вдруг обнаруживаю, что целый век выпал из памяти... Скажем, времена до Брестской унии помню, и что было после Ужгородской - тоже помню, а что было между ними - как метлой вымело... Так вы можете представить, сколько я этих соискателей на своем веку повидал! Кого только среди них не было... Византийский логофет, монгольский сотник, богомол - еретик, ювелир из Кракова... И как же все они жаждали припасть к источнику! Головы приносили и швыряли передо мной: "Я! Я вместо него!" Конечно, нравы теперь не те, головы не принято отсекал, но ведь и не требуется! Просто согласие от вас требуется, Феликс Александрович! Так нет! И ведь знаю, казалось бы, я вас - не идеал, совсем не идеал! И выпить, и по женской части, и материальных потребностей, как говорится, не чужд... И вдруг такое! Нет потрясли вы меня, Феликс Александрович. В самое сердце поразили. Может быть, мученический венец принять хотите?

Он смотрит на часы и поднимается. Произносит задумчиво:

- Ну что ж, каждому свое. Пойдемте, Феликс Александрович, времени у нас больше не осталось.

В кабинете тем временем Наташа шарит по полкам с книгами, берет одну книгу за другой, прочитывает наугад несколько строчек и равнодушно роняет на пол. Из угла в угол по разбросанным книгам, окуркам, осколкам посуды снуют Курдюков. Клетчатый, стоя лбом у стены, внимательно следит за ним. Иван Давыдович листает журнальную подшивку.

За окном светает.

Входят Павел Павлович и Феликс.

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Наконец-то! (Отбрасывает подшивку). Итак, Феликс Александрович, ваше решение?

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ: одну минуточку, магистр. Я хочу сделать маленькое уточнение. Я тут поразмыслил и пришел к выводу, что ротмистр прав. Отныне я за нашего дорогого Басаврюка. Как говорится, старый друг лучше новых двух.

КУРДЮКОВ: Благодетель!

НАТАША: Я тоже. К дьяволу чистоплюев.

КУРДЮКОВ: Благодетельница! (Торжествующе показывает Феликсу язык.)

ИВАН ДАВЫДОВИЧ (после паузы): Вот как? Н-ну что ж... А я, напротив, самым категорическим образом поддерживаю кандидатуру Феликса Александровича. И я берусь доказать любому, что он несомненно полезен для

нашего общества.

Он бросает короткий взгляд на Клетчатого, и тот, сделав отчетливый шаг вперед, становится рядом с ним.

КЛЕТЧАТЫЙ: Я тоже за господина писателя. Раз другие меняют, то и я меняю.

КУРДЮКОВ: За что, я же свой... А он сам не хочет...

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ: Во-первых, он сам не хочет. А во-вторых, магистр, вы все-таки оказались в меньшинстве...

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Но я и не предлагаю принимать какие-нибудь необратимые решения прямо сейчас! Уже светло, сделать сегодня мы все равно ничего не сможем, мы не готовы, надо все хорошенько продумать... Господа! Мы расходимся. О времени и месте следующей встречи я каждого извещу во благовремени...

КУРДЮКОВ (хрипит): Он же в милицию... Сию же минуту!..

Иван Давыдович обращает пристальный взор на Феликса.

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Милостивый государь! Вам были сделаны весьма лестные предложения, не забывайте об этом. Обдумайте их в спокойной обстановке. И помните, пожалуйста, что длинный язык может лишь принести вам и вашим близким непоправимые беды!

ФЕЛИКС: Иван Давыдович! Да перестаньте вы мне угрожать. Неужели не понятно, что я скорее откушу себе язык, чем хоть кому-нибудь раскрою такую тайну? Неужели вы не способны понять, какое это счастье для всего человечества, что у источника бессмертия собралась именно ваша компания, компания бездарей, ленивых, бездарных, тупых ослов...

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Милостивый государь!

ФЕЛИКС: Какое это безмерное счастье! Помыслить ведь страшно, что будет, если тайна раскроется и к источнику прорвется хоть один настоящий, неукротимый, энергичный, сильный, негодяй! Что может быть страшнее! Бессмертный пожиратель бутербродов - да это же огромная удача для планеты! Бессмертный энергичный властолюбец - вот это уже беда, вот это уже страшно, это катастрофа... Поэтому спите спокойно, динозавры вы мои дорогие! Под пытками не выдам я вашей тайны...

Они уходят, они бегут. Первой выскакивает Наталья Петровна, на ходу запихивая в сумочку свои косметические цапки. Величественно удаляется, постукивая зонтиком-тростью, Павел Павлович, сохраняя ироническое выражение на лице. Трусливо озираясь, удирает Курдюков, теряя и подхватывая больничные тапочки. Клетчатый не совсем улавливает пафоса происшедшего, он просто дожидается Ивана Давыдовича. Иван же Давыдович слушает дольше всех, но в конце концов и он не выдерживает и уходит.

ФЕЛИКС (им вслед): Под самыми страшными пытками не выдам!

Феликс стоит у окна и рассматривает всю компанию с высоты седьмого этажа. Курдюкова запихивают в "жигули". Клетчатый за ним, Наташа садится за руль, Иван Давыдович - с нею рядом. Павел Павлович приветствует отъезжающую машину, приподняв шляпу, а затем неспешно, постукивая тростью - зонтиком, уходит из поля зрения.

И тогда Феликс оборачивается и оглядывает кабинет. Вся мебель сдвинута и перекошена. На полу раздавленные окурки, измятые книги, черные пятна кофе, разбитый телефонный аппарат, осколки фарфора. На столе, на листах рукописи валяются огрызки и объедки, тарелки с остатками еды, грязная сковорода.

Дом уже проснулся. Гудит лифт, хлопают двери, раздаются шаги, голоса.

И тут дверь кабинета растворяется, и на пороге появляется дочь Феликса Лиза с двумя карапузами-близнецами.

- Почему у тебя дверь... - начинает она и ахает. - Что такое? Что у тебя тут было?

ФЕЛИКС: Пиршество бессмертных.

ЛИЗА: Какой ужас... И телефон разбили! То-то я не могла дозвониться... В садике сегодня карантин, и я привела к тебе...

ФЕЛИКС: Давай их сюда, этих разбойников. Идите сюда скорее, ко мне. Сейчас мы с вами все тут приберем. Правильно, Фома?

ФОМА: Правильно.

ФЕЛИКС: Правильно, Антон?

АНТОН: Неправильно. Бегать хочу.